

Судьба, не пожалей добра

У КАЖДОГО ИЗ НАС своя дорога, своя судьба, свой крест. И всем нам в жизни выпадают свои испытания: одним — больше, другим — меньше. Есть счастличики, баловни судьбы, а есть ивонишки, у которых все камешки.

И всегда люди пытались понять: почему так? Почему для одних судьба — злая мачеха, а для других — ласковая, заблаговладевшая? Что определяет точные нашей жизни в больших степенях: судьба, воля человека или все-таки наш характер? Мы любим рассуждать на эти темы, подыскивая убедительные примеры, но при этом в глубине души понимаем, что эта загадка жизни нам не по зубам. Похоже, нет-таки общего для всех закона, предопределяющего жизнь человека. И справедливость, и возмездие действуют избирательно. Сильные бросают вызов судьбе, и порой побеждают, порой же проигрывают, слабые — покоряются, плывут по течению, надеясь на чудо, которое изменит их жизнь.

Надежду Михайловну Панову — коренную ангарку, уроженку д. Звинка, слабой не назовешь. Долгие годы ей хватало силы и мужества противостоять судьбе-злодейке, но пришла старость и нет больше сил на борьбу. Осталась только слабая надежда на помощь людей.

Я пришла к ней по просьбе ее зячанина, Актиния Андреевича Саконюкова.

Жена умершего не так давно ветерана войны Иннокентия Михеевича Панова. Дожидался его с фронта, прожили вместе 60 лет. На двоих у них 100 лет партинского и 100 лет трудового стажа.

Такой характеристики было вполне достаточно. И вот я у Надежды Михайловны, слушаю бль с несвежим концом.

«Надя и Кеша росли в одной деревне, дружили со школьниками, переехали в один город, дружили, ученье способный. Она — заводная, бойкая, чертенюк в юбке. После маленькой школы Кеша поехал в Кежму, а семилетка доучиваться, а Надежда в деревне осталась, с 1930 года стала в колхозе работать.

Иннокентий после семилетки, всеннадцатилетним паренком (в 1933 году), начал учить деревенских детей гра-

моте Сначала в д. Кода, потом в Звинку, Недокуре. Попытался к Надежде ее родители не отказал. «Моему отцу Кеша нравилась, да и она сама, что пойдя за него вступлюсь. И другие женихи были, но я его еще в детстве выбрала и замуж за него пошла. Он и честь брал».

Соединил свои жизни Надя и Кеша совсем юными: ему было девятнадцать, ей — семнадцать. Испытания не заставили себя долго ждать. Двухлетним умер сын, потом тяжелая операция и приговор врачей — больше детей не будет. Но это не развало их по разным дорогам. «Я на него, бывало, злилась, ругалась, обзывалась, ведь ее хозяйство на себе одна вела. Он у меня чистенький всегда, при галстике ходил — учитель. Жена чирки пошивает, а муж сидит с книжками... А сама за 60 лет ни разу не бита, не ругана была. Тихий он у меня был».

А уж Надежда Михайловна тихой никогда не была. И в руках ее спорилась, и за словом в карман не лезла. Характер — властный, неуступчивый — настоящая ангарка. Иннокентий Михеевич — спокойный, уравновешенный, интеллигентный.

Так и жили, поддерживая, дополнила друг друга. В 41-м ушел Иннокентий на фронт, всю войну верно ждала его жена. В 1942 году, как паредовую работницу, удерничу, приняла Надежду Михайловну в партию. И была она в ней

до самого конца, взносы исправно платила. Нароботалась а войну, как и другие женщины, на всю оставшуюся жизнь. Как каторгу, те годы вспоминает.

Судьба наградила за любовь и верность — муж вернулся живым. Потекли послевоенные годы. Жили в Недокуре. Иннокентий Михеевич работал в школе. В 1930 году его пригласили на работу в райком партии, десять лет был инструктором орготдела... А Надежда Михайловна при больнице: кладовщица, санитаркой.

В 60-м вернулись в Недокуру, потом — в Звинку. Работали, хозяйство держали, но стал Иннокентий Михеевич сдавать. И поняла Надежда Михайловна, что надо на старости лет определиться, перебраться в благоустроенную квартиру. Сделали дом в отделе водохранилища, купили на эти деньги однокомнатную квартиру в Красноярске и уехали туда в 1960 году. Да не пожилась там. Пенсиям. То ли от городского воздуха, то ли от сивых привычного уклада жизни, совсем плох стал Иннокентий Михеевич. Положили его в больницу, а он ушел из нее, в чьем был, в неизвестном направлении. Разбился с миллией. Нашли чуть живого. Диагноз: тисое помещительство. Врачи говорят: везите его назад, в деревню, здесь вам жить надлежит (заключенному врачу у Н. М. на руках)...

И год не прошло, как, продав за бесценок квартиру, вер-

нулись старик в Кежму. Не нашлось поблизости ни одного доброго советника, разного человека, который бы убедил Надежду Михайловну поступить по-другому. А сама она и не догадывалась, что квартиру можно с успехом поменять на Кодинск.

В Кежме квартиру ветерану войны дали сразу, только день ото дня он становится все немощнее, ходил под себя, нуждался в постоянном пригляде. Надежда Михайловна выбивалась из сил, сама серьезно заболела...

Младшая сестра стала хлопотать для них квартиру в Кодинске. Районная администрация выделила «гостинику», пообещав, что это временно. Предлагали, как бездетным, поехать жить в Недокурский дом престарелых, но Надежда Михайловна и слышать об этом не хотела. Отдавала туда мужа только на время, когда задвигла в Красноярск на операцию.

Иннокентий Михеевич, проработавший всю жизнь в Кежмовском районе, квартиры не дождался. Он умер осенью прошлого года, отучился. Ветеран войны, ветеран труда хоронили из моря.

Сегодня Надежда Михайловна живет одна, надеясь, что обещание, данное при жизни мужа, осталось в силе, что всяки успеет она дожить свой век в отдельной, своей квартире.

В том, что она ве заработала, наверное, не усомнитесь никто. А видная неразумность ее поступков в последние годы не что иное, как поразительная доверчивость человека, прожившего всю жизнь в одной системе координат, но окупившегося на старости лет в непонятном рыночном мире. Улыбнется ли судьба Надежде Михайловне после столько лет мтарста — зависит от конкретных людей... В их власти смягчить трагичный финал ее жизни радостным, жизнеутверждающим аккордом.

И. ЗОНОВА.

На снимке: супруги Н. М. и И. М. Пановы. Еще молодые, сильные.